

Взгляд сквозь годы

Наверное, это был единственный случай, когда трясущиеся руки вошли (хотя, точнее будет сказать – вляпались) в мировую историю.

Тридцать лет назад вице-президент Геннадий Янаев, назначенный гэкачепистами исполняющим обязанности президента СССР, в душе наверняка понимал, что попал в неприятную компанию. Но внешне на состоявшейся 19 августа 1991 года пресс-конференции, где члены ГКЧП объявили о введении в стране чрезвычайного положения, пытался сохранить политический лоск. Выдали Янаева лишь руки («твари дрожащие!»), ставшие для подавляющего большинства советских людей символом ничтожества кучки заговорщиков...

Сам Государственный комитет по чрезвычайному положению, в который вместе с Геннадием Янаевым вошёл ряд партийных функционеров и руководителей из ЦК КПСС, Правительства СССР, армии и КГБ, был создан днём ранее – 18 августа. Но «законодательный» статус «чрезвычайщина» обрела именно девятнадцатого числа, когда страна сначала проснулась под музыку из балета «Лебединое озеро», доносившуюся из всех телевизоров, а потом услышала «Заявление Советского руководства» – объявление о создании ГКЧП и введении режима чрезвычайного положения сроком на полгода. В тот же день в здании пресс-центра Министерства иностранных дел СССР на Зубовском бульваре в Москве путчисты выступили с «программным» заявлением, провозгласив ГКЧП органом «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения», решения которого общеобязательны для исполнения на всей территории СССР. Ответ был молниеносным – Советский Союз буквально «взорвался» протестами. Уже на пресс-конференции журналисты, к неудовольствию ораторов из ГКЧП, прямо назвали происходящее государственным переворотом.

А переворот в итоге получился каким-то опереточным. Противники распада СССР (именно ГКЧП ускорил процесс разделения могучего Союза на пятнадцать самостоятельных государств) до сих пор утверждают, что создание Государственного комитета по чрезвычайному положению было хорошо срежиссированной акцией, направленной на развал страны. Прямых доказательств этому историки не нашли, но косвенных – предостаточно. Даже первый и последний президент СССР Михаил Горбачёв через двадцать лет после событий, в августе 2011 года, признал, что заранее знал о планируемых действиях будущих членов ГКЧП, хотя в сентябре 1991 года на следствии по делу ГКЧП дал противоположные показания.

«Говорят, Горбачёв знал, а как ему было не знать... Откуда только не звонили мне, не предупреждали: путч, путч, путч... Моё окружение... Самое главное было не довести до крови большой... И мы избежали. Гражданская война могла бы быть», – сказал первый и последний президент СССР на пресс-конференции, посвящённой двадцатилетию событий августа 1991 года.

**У власти
восьмёрка заговорщиков
продержалась всего три дня**

По сути, ГКЧП был заведомо обречён, его ни одна серьёзная структура в СССР не поддержала. В комитет вошли люди, выдвинутые в большую политику Михаилом Горбачёвым, верой и правдой служившие ему и обслуживавшие «перестройку». Но когда они открыто выступили против своего лидера (хотя открыто ли, учитывая признание самого Михаила Сергеевича, сделанное двадцать лет спустя?), то подписали приговор не столько

Не вышло из них пиночетов

Тридцать лет назад Советский Союз проснулся под музыку из балета «Лебединое озеро»

Путч в Москве, август 1991 года

Магнитка в августе 1991-го своё отношение к ГКЧП определила сразу. Настроения в городе сильно повлиял вышедший 20 августа номер газеты «Магнитогорский рабочий», которая в те годы была настоящим рупором «демократических сил». Он содержал публикации исключительно анти-путчистской направленности и лёг на благодатную почву – в большинстве своём горожане, уже успевшие вкусить свободы, стали яростными противниками созревшего в Москве антиконституционного заговора. Были массовые митинги протеста (как без них в то время!), звонкие выступления в газетах и на радио, пьянящее чувство сопричастности к историческому моменту, определяющему судьбу великого государства. До акций неповиновения, к чему призывал страну президент РСФСР (на тот момент) Борис Ельцин, дело, правда, не дошло. Но магнитогорский голос услышали даже в Москве.

Впрочем, некоторые горожане явно не разделили «мнение большинства». Газета «Магнитогорский рабочий» ещё долго после августовских событий нет-нет да публиковала «глас народа», противоречащий «официальной» версии событий. Вскоре после разгрома кремлёвских заговорщиков, например, на одной из страниц издания появилось небольшое, но красноречивое письмо, начинавшееся со слов: «Путч (В оригинале было неграмотно написано «пуч»). – Прим. авт.) они победили, герои сраные. А как страну накормить – не знают!».

Известна истина, что революции задумывают гении, осуществляют фанатики, а плодами революций пользуются проходимцы. Россия действительность этой социальной формулы испытала на своей шкуре сполна. После 1917 года страна получила голод, разруху, гражданскую войну, а потом – массовые репрессии. После 1991 года – повальное обнищание населения и чувство безысходности от потери гордости за великую державу. По большому счёту, народ не выиграл ни в одной революции. «Герои», конечно, на время почувствовали вкус «добычи», но вскоре их опять, причём с помощью довольно жёстких методов, «поставили в стойло».

...Не исключено, что тридцать лет назад руки Геннадия Янаева тряслись не просто от волнения, а от навалившейся ответственности. Ему, да и всей стране, было понятно: классическая революционная ситуация, сформулированная когда-то Владимиром Лениным, в Советском Союзе назрела – низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут по-старому управлять. Вряд ли в то время нашёлся хоть один политик, который смог бы удержать страну от противостояния. Янаеву необходимо было сделать выбор – либо тихо смириться с наступающим распадом великой державы, либо жёстко подавлять вкусивший свободы народ, то есть определиться, лить кровь или нет. Да, в ГКЧП были более влиятельные люди (подлинной душой заговора историки называют председателя КГБ СССР Владимира Крючкова), но последнее слово оставалось всё-таки за номинальным главой Государственного комитета по чрезвычайному положению: именно он должен был отдать приказ.

Если бы в августе 1991 года Геннадий Янаев со товарищи сделали иной выбор, то мы жили бы сейчас в какой-то другой стране, в какой – можно только гадать. Однако история не терпит сослагательного наклонения.

✍ Владислав Рыбаченко

Борис Ельцин у Белого дома, август 1991 года

Фотографии сделаны бывшим корреспондентом «ММ» Юрием Балабановым и публикуются впервые

себе как политикам, сколько Советскому Союзу как государству...

Три десятка лет, прошедшие с той поры, лишь напустили туману, а кое-кого заставили даже переосмыслить роль путча в мировой истории. Россияне до сих пор не определились в своём отношении к событиям 19–21 августа 1991 года

(18 августа «чрезвычайщина», как уже сказано выше, ещё не обрела «законодательного» статуса). Кто-то считает, что это была трагедия, имевшая губительные последствия для великого государства и великого народа. Кто-то, напротив, убеждён, что тридцать лет назад состоялась полная победа демокра-

тии, покончившая с всевластием КПСС. Немало и тех, кто рассматривает путч как проявление борьбы за власть между разными группировками в высшем руководстве страны. И у всех – своя правда, свои факты, свои, сделанные на основании документальных свидетельств, выводы.